

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА - НЕФОРМАЛЬНЫЙ СЕКТОР

Ю.В. ЛАТОВ,
Т.А. НЕСТИ К

"Плохие" законы или культурные традиции?*

Российская культура давно терзается тремя вопросами - "кто виноват?", "что делать?" и "когда прядет желанный день?" С течением времени и со сменой политических режимов менялся угол зрения, но сами вопросы оставались неизменными. Российская интеллигенция в середине XIX века сострадала жертвам крепостного права, в начале XX века она мучилась от отсутствия конституции и парламента, во второй половине XX века - от нарушения прав человека. В наши дни главную опасность "светлому будущему" развития России усматривают в теневой экономике - той хозяйственной деятельности, которая официально не регистрируется. Часто связана с нарушением официальных правовых норм и является, как считают многие, антиобщественной и аморальной¹. Кажется, это тот пункт, по которому есть консенсус между представителями практически всех партий и движений, от "правых сил" до "патриотов". Рядовые граждане, давно уже призывающие "чуму на оба ваши дома", по данному вопросу также соглашаются, что теневая экономика, охватывающая 35-40% национального производства, - острейшая проблема современной России.

Однако за этим единодушием на самом деле скрываются довольно существенные противоречия. В объяснении причин "теневизации" постсоветской России и, соответственно, в выработке рецептов ее "просветления" сталкиваются две позиции. В честь тех зарубежных обществоведов, которые заложили основы этих подходов, их можно условно назвать "десотизмом" (правовой подход, связанный с именем перуанского экономиста Э де Сото) и "мюрдализмом" (культурологический подход, намеченный шведским экономистом, лауреатом Нобелевской премии Г. Мюрдалем).

* Статья подготовлена в рамках работы по гранту № КТК 369 1-01N3. Поддержка данного проекта была осуществлена Программой "Межрегиональные исследования и общественных наук" Институтом перспективных российских исследований им. Дж. Кеннана (США), Министерством образования Российской Федерации за счет средств, предоставленных Корпорацией Карнеги в Нью-Йорке (США), Фондом Дж. и К. МакАртуров (США) и Институтом "Открытое общество" (фонд Дж. Сороса).

¹ Строго говоря, под общей "крышей" термина теневая экономика скрываются довольно разные явления. Самоочевидно, что нелегальная торговля наркотиками заметно отличается как от финансовых махинаций представителей истеблишмента, так и от нелегальной торговли обычными товарами. Однако хотя разные сектора теневой экономики относительно самостоятельны между их развитием прослеживается четкая взаимосвязь. Высокие ранги коррупции наблюдаются чаще всего в тех же странах, где велик неформальный сектор экономики и где сильно развиты мафиозные структуры. Поэтому можно говорить о теневом секторе как о целостном социально-экономическом феномене.

Л а т о в Юрий Валерьевич - кандидат экономических наук, доцент Тульского факультета Юридического института МВД РФ

Н е с т и к Тимофей Александрович - кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН

"Десотианская революция": иным путем - к разгадке капитала?

Основоположником наиболее популярной в настоящее время парадигмы, объясняющей причины развития теневой экономики, заслуженно считается де Сото. Его монография "Иной путь", опубликованная в 1989 году, произвела подлинный переворот в представлениях зарубежных исследователей о роли и значении теневой экономики как в развивающихся странах (исследования де Сото посвящены именно им), так и в современном рыночном хозяйстве вообще. Именно концепция "Иного пути" определяет сейчас новую, преобладающую в отечественной и зарубежной литературе парадигму теорий неформального сектора экономики и теневой экономики в целом. Совсем недавно - в 2000 году - де Сото издал новую монографию "Загадка капитала", где он развил и углубил аргументы своей концепции.

Открытия и парадоксы Э. де Сото. Традиционный, господствующий в 1970-1980-е годы подход к проблеме теневой экономики трактовал ее как порождение бедности, нищеты и отсталости. Экономическое подполье виделось маргинальной прослойкой: бывшие крестьяне уходят в поисках более высоких заработков в города, но не могут в силу своей низкой квалификации найти работу в современной промышленности и потому вынуждены перебиваться теневой деятельностью, с трудом обеспечивая себе прожиточный минимум. Предполагалось, что по мере адаптации к городскому образу жизни теневики будут переходить в современную, легальную экономику. Неформальный сектор, с такой точки зрения, - экономическое гетто, не имеющее позитивных перспектив. Соответственно, для облегчения тяжелой участи городских маргиналов "левые" предлагали усилить государственный контроль над национальной экономикой, либералы же предпочитали неформальный сектор вообще игнорировать, рассматривая его как досадное побочное следствие модернизации.

Главное научное открытие де Сото - *принципиально новый подход к объяснению генезиса теневой экономики*. Основная причина разрастания городского неформального сектора и теневой экономики в целом, по его мнению, заключается не в отсталости сельских мигрантов, будто бы не способных найти себе место в легальном секторе, а в бюрократической заорганизованности, препятствующей свободному развитию конкурентных отношений. Иначе говоря, де Сото перевернул с головы на ноги (или с ног на голову?) сравнительные оценки теневого и легального бизнеса в "третьем мире".

Считалось, что легальный сектор является носителем современной экономической культуры, в то время как теневой выступал как уродливый пережиток традиционной экономики. На самом же деле, доказывает перуанский экономист, легальная экономика развивающихся стран опутана меркантилистскими узами, в то время как именно теневики устанавливают истинно демократический экономический порядок, организуют свое частное хозяйство на принципах свободной конкуренции.

Меркантилизм как тип экономической политики, господствовавшей в Европе в XVI-XVIII веках, "был политизированной системой хозяйства, в которой поведение предпринимателей подлежало детальной регламентации. Государство не позволяло потребителям решать, что должно производиться; оно оставляло за собой право выделять и развивать те виды экономической деятельности, которые считало желательными, и запрещать или подавлять кажущиеся ему неподходящими" [де Сото, 1995, с. 249]. Эта вера в "высшую мудрость" государственных чиновников давно утеряна в развитых странах, где экономический либерализм окончательно победил политику мелочной регламентации еще в XIX веке. Однако на периферии современного рыночного хозяйства меркантилистская политика продолжает оставаться обыденной реальностью, причем этатизация хозяйства одобряется и "левыми", и националистами.

Руководимым де Сото Институт свободы и демократии пропел ряд экономических экспериментов для выяснения "цены законности" в Перу - тех затрат, которые вынуждены нести лица, желающие заняться обычным легальным бизнесом [де Сото, 1995, с. 178-189]. Так, для регистрации фабрики по пошиву одежды эксперимента-

торам пришлось затратить 289 дней и сумму, равную 32 минимальным месячным зарплатам (расходы на взятки, пошлины, потерянные доходы). Даже получение лицензии на торговлю в уличном киоске требует 43 дней хождений по бюрократическому лабиринту и денежных расходов в 15 минимальных зарплат. Что касается 'выбивания' земельного участка для строительства жилья, то этот бюрократический марафон требует в Перу почти 7 лет и 56 минимальных зарплат. И эта ситуация с удручающим однообразием наблюдается в большинстве стран "третьего мира". Такая система полностью отсекает от участия в легальной хозяйственной деятельности людей с невысокими доходами, но зато дает обширный простор для адресной раздачи привилегий и коррупции.

"Наше исследование показывает, - пишет де Сото, - что готовность перуанцев действовать вне рамок закона в значительной степени есть результат рациональной... оценки издержек законопослушания" [де Сото, 1995, с. 178]. Таким образом, основной причиной теневой экономической активности следует считать нерациональный правовой режим, когда "процветание компании в меньшей степени зависит от того, насколько хорошо она работает, и в большей - от издержек, налагаемых на нее законом. Предприниматель, который лучше манипулирует этими издержками или связями с чиновниками, оказывается более успешным, чем тот, кто озабочен лишь производством" [де Сото, 1995, с. 189]. Плодом "плохих" законов становится экономическая ситуация, когда на нелегальную деятельность в Перу приходится 48% экономически активного населения и 61,2% рабочего времени, 38,9% официального ВВП [де Сото, 1995, с. 49]. В некоторых сферах экономики теневики вообще стали основными производителями, причем товары и услуги, производимые теневиками, по существу ничем не отличаются от продукции легального производства. В других странах "третьего мира" масштабы 'теневилизации' часто еще выше (например, в отсталых странах Африки, кроме неформального сектора, как шутят африканисты, никакого другого и нет).

Делая выбор в пользу нелегальной организации, предприниматель избавляется от "цены подчинения закону", но зато вынужден оплачивать "цену внезаконности". В эту вторую группу трансакционных издержек входят "цена уклонения от наказаний" (риск поимки и наказания частично снижается взятками как особой формой страхования), повышенные ставки на теневом рынке капиталов, невозможность участвовать в техноёмких (капиталоёмких) областях производства, относительно слабая защищённость прав собственности, "цена невозможности использовать контрактную систему" (опасность нарушения деловых обязательств) и недостаточная эффективность внеконтрактного права.

Другая важная теоретическая находка де Сото - исследование внутреннего *механизма экономического "подполья", его самоорганизации*. Ходячее представление о деятельности теневиков уподобляет их жизнь первобытной борьбе за выживание, где царит голое "право силы". Однако "Иной путь" убедительно доказывает, что в теневом бизнесе, как и в легальном, существует "сила права" (конечно, права специфического - нелегального).

Как показывают исследования де Сото, во всех видах нелегальной деятельности существуют устойчивые организации, координирующие контакты нелегалов друг с другом и с законными государственными институтами. Хотя у нелегалов нет официальных гарантий защиты их собственности, но зато они с успехом используют внезаконные документальные свидетельства о своих правах, которых вполне достаточно для поддержания взаимоотношений с другими нелегалами. Складывается впечатление, что в "тени" живет параллельный мир со своими профсоюзами, судами, правовыми нормами, который во многом эффективнее официального мира. Даже процесс подкупа государственных чиновников трансформируется из эпизодического правонарушения в устойчивый порядок, с которым согласны все его участники. Описанный в книгах де Сото довольно сложный механизм самоорганизации теневого бизнеса убедительно доказывает несостоятельность упрощенных представлений

о рынке, где каждый "сам за себя". Высокие транзакционные издержки бизнеса делают сугубо индивидуалистическую деятельность заведомо неэффективной, заставляя теневиков сплaçиваться в нелегальные организации.

Если ранее неформальный сектор экономики считали маргинальным порождением отсталости и асоциальности, то де Сото делает акцент на его революционно-прогрессивном потенциале. Неформальные, спонтанно развивающиеся экономические отношения противопоставляются "десотианцами" не столько рациональной заботе об общественном благе, сколько бюрократической заорганизованности, выгодной лишь "бюрократической буржуазии", но вовсе не обществу в целом. Соответственно, для формализации теневой хозяйственной деятельности предлагается не навязывать искусственно сконструированные правовые нормы, а легализовывать уже существующий внезаконные нормы и практики. Распутав загадку превращения нелегальной частной собственности в легальный производительный капитал, можно открыть, как считает де Сото, буквально "гектары алмазов", которые решат все экономические проблемы стран "третьего мира" и бывшего соцлагеря [де Сото, 2001, с. 45].

"Десотианство" и Россия. Значение идей де Сото для понимания процессов, происходящих в современной России, трудно переоценить. Легко заметить, что экономические проблемы стран с переходной экономикой во многом те же, что и в развивающихся странах, о которых писал перуанский экономист. Если принять концепцию де Сото, постсоветская Россия страдает не столько от чрезмерного, сколько от недостаточного развития рыночных отношений. В таком случае в развитии подпольного бизнеса следует видеть симптом не болезни, а, скорее, выздоровления.

Как и в Перу, в современной России, видимо, сосуществуют три "страны": меркантилистское государство, создающее режим наибольшего благоприятствования для немногочисленных фаворитов; люди, разуверившиеся в возможности решения своих проблем и потому часто уходящие в преступность или другие формы протеста; "есть и третья страна... - страна, где много работают, где люди восприимчивы к новому к конкурентоспособны, и наиболее крупной ее провинцией является, без сомнения, провинция теневой экономики". "Чтобы уйти от насилия и бедности, - призывает де Сото, - нужно признать собственность и труд людей, которых легальный сектор ныне отторгает, — чтобы вместо бунта воцарился дух сотрудничества и ответственности" [де Сото, 1995, с. 317],

Зарубежные и отечественные транзитологи довольно быстро стали использовать предложенный де Сото подход для анализа развития бизнеса в постсоциалистических государствах. Главное отличие "десотианцев"-транзитологов от работ перуанского экономиста заключается в несколько ином объекте их исследований. Сам де Сото изучал неформальный сектор - нерегистрируемое производство обычных товаров. В постсоциалистических странах главной разновидностью теневых отношений стало нерегистрируемое производство в рамках официально зарегистрированных фирм. Именно оно и привлекло первостепенное внимание исследователей.

В 1996-1997 годах группа экспертов Всемирного банка организовала в ряде постсоциалистических стран (Польша, Словакия, Россия, Украина и др.) опросы владельцев мелких частных фирм, нацеленные на изучение причин ухода фирм в "тень" [Фрай, 1998; Фрай, Журавская, 1998; Frye, Shleifer, 1997; Johnson, Kaufmann, McMillan, Woodruff, 2000; Johnson, McMillan, Woodruff, 2000]. По результатам этих исследований сформулирована концепция "грабющей руки" (см. табл. 1), которая уже завоевала широкую популярность.

Регрессивный анализ данных доказал, что масштабы неофициальной деятельности легальных фирм сильнее всего зависят от вымогательства госчиновников² - т.е. не столько от собственно "плохих" законов, сколько от плохого правоприменения. Это важное уточнение "десотианской" парадигмы: сам де Сото обращал основное внима-

---

² Согласно данным опросов, вымогательство госчиновников признают примерно 9/10 предпринимателей России и Украины, в то время как в странах Восточной Европы - порядка 1/5.

Основные модели условий развития бизнеса (по Т. Фрею и А. Шляйферу)

Модели	Правовая среда	Административное регулирование
<i>Невидимая рука:</i> большинство стран Восточной Европы	Правительство не стоит над законом Контракты защищаются судами	Правительство следует узаконенным правилам Регулирование минимально Коррупция слаба
<i>Помогающая рука:</i> КНР, Южная Корея, Сингапур	Правительство стоит над законом, используя власть для помощи бизнесу Контракты защищаются государственными чиновниками	Правительство агрессивно по отношению к некоторым предпринимателям Организованная коррупция
<i>Грабящая рука:</i> большинство постсоветских республик	Правительство стоит над законом, используя власть для получения ренты Правовая система не работает, контракты защищаются мафией	Многочисленные полусамостоятельные государственные институты осуществляют грабительское регулирование Дезорганизованная коррупция

ние на предписанные законами порядки, а не на фактически действующие практики их выполнения.

В целом, однако, исследование механизма "грабящей руки" вполне подтвердило мнение де Сото, что уход в "тень" - закономерный результат превышения издержек легализации (налоги, взятки, бюрократический контроль) над издержками внезаконности (дань рэкетирам, невозможность использования механизмов легальной защиты прав собственности). Если вместо "невидимой руки" рынка экономической руководит "грабящая рука" чиновника, то для легального предпринимателя становится вполне рациональным "увод" значительной части своего бизнеса в "тень"¹

Отечественные исследователи также восприняли концепцию десотианской революции с огромным энтузиазмом³. Один из наиболее известных российских последователей "десотианства" - В. Радаев - уже в 1997-1998 годах, одновременно с работой экспертов Всемирного банка, организовал свой экономико-социологический проект по исследованию теневых отношений в легальном бизнесе [Радаев, 1998]. В отличие от зарубежных транзитологов, его больше интересовали не столько количественные, сколько качественные параметры создавшейся ситуации. В ходе проведенного им исследования наличие расходов на неформальные услуги (т. е. на разные формы вымогательства) признали 60% предпринимателей. Руководитель проекта на основании столь широких масштабов данного явления пришел к выводу, что в постсоветской России «удержание множества бюрократических барьеров выступает не продуктом "недоработок", а способом воспроизведения всеобщей зависимости от властных структур» [Радаев, 1998, с. 95]. Именно сознательное возведение барьеров новой бюрократией становится главной причиной ухода предпринимателей в "серые" зоны рынков и широкой коррумпированности государственного аппарата. Низкая эффективность системы легальной защиты прав собственности заставляет бизнесменов заключать деловые контракты в основном в пределах устойчивых деловых сетей, где неформальные связи превалируют над формальными обязательствами, и соглашаться платить "дань" криминальным элементам. Поскольку именно государственно-правовая система видится главным источником деформализации бизнеса, для

³ О громадной популярности идеи де Сото свидетельствует хотя бы тот факт, что само название его знаменитой книги стало объектом подражания. Так В. Исправников и В. Куликов назвали свою работу "Теневая экономика в России: иной путь и третья сила" (М., 1997).

его оздоровления, с точки зрения Радаева, самое главное - совершенствование законодательной и налоговой систем, административное реструктурирование, создание общественного контроля за деятельностью органов власти.

"Мюрдалистская оппозиция": азиатская драма моральной экономики?

"Десотианство", как очевидно, основано на правовом детерминизме. Данный подход принадлежит к тому направлению неоинституционализма, который уделяет основное внимание в развитии общества совершенствованию именно правовых институтов. К этому направлению принадлежат такие знаменитые экономисты, как лауреаты Нобелевской премии по экономике Р. Коуз и Д. Норт, а также многие другие весьма известные экономисты - Р. Познер, Т. Умбек, Х. Демсетц и др.

Следует, однако, отметить, что правовой детерминизм в объяснении проблем хозяйственного развития отражает типичные особенности западной ментальности, для которой понятие "правовое общество" давно стало повседневной реальностью. Насколько, однако, такой подход правомерен для понимания особенностей развития тех обществ, где нормы формального права отнюдь не считаются стержнем жизни социума?

Теневая экономика - культура бедности? Мюрдаль - институционалист, но не "новый", а традиционный - стал одним из первых экономистов, указавших на неправомерность использования западных стереотипов для анализа восточных обществ. Напомним, что традиционный институционализм, ведущий свое происхождение от Т. Веблена, также считает важнейшим фактором хозяйственного развития общественные институты. Однако главный акцент он делает не на формальные нормы права, а на те ценности, традиции, "рутины", которые часто нигде не зафиксированы и даже не осознаны, но гораздо основательнее "программируют" поведение людей, чем кодексы и законы. Главные категории для традиционных институционалистов - не "права собственности" и "трансакционные издержки", а "экономическая культура" или (как синоним) "хозяйственная ментальность". Под экономической культурой они понимают системы стереотипов и ценностей, влияющих на хозяйственное поведение, которые являются общими для крупных социальных общностей (классов, этносов, конфессий).

Свое отношение к проблемам хозяйственного развития неевропейских цивилизаций Мюрдаль выразил в изданной в 1968 году книге "Азиатская драма: Исследование нищеты народов", которая по сей день сохраняет репутацию классической работы по экономике стран "третьего мира". Он был очень скептичен по поводу ходячих представлений об уникальности - религиозности и нематериалистичности - культур стран Азии, справедливо указывая, что эти представления слишком часто отражают ложные стереотипы, а не реальную действительность. "Гипотеза... заключается, скорее, в том, что население данного района в основном не отличается от народов других частей земного шара, - писал Мюрдаль. - Но здесь люди живут и жили длительное время в условиях, весьма отличных от Запада, и это обстоятельство наложило свой отпечаток на их внешность и взгляды. ...Забота о выживании, безразличие людей к возможностям совершенствования, их презрение к физическому труду, особенно наемному, могли иметь прямой или косвенной причиной многовековую безысходную бедность. Религия же стала духовной оболочкой всего этого образа жизни и деятельности и освятила их, придав им строго регламентированную форму и сопротивляемость к изменениям" [Мюрдаль, 1972, с. 155]. Таким образом, экономика стран Востока, по мнению Мюрдаля, - это культура бедности, сцементированная религиозной традицией⁴.

⁴ Следует обратить особое внимание на то, что культура Годности отнюдь не толстенна бедности как таковой. Бедность населения стран "третьего мира" - самоочевидный факт. Однако долгое время, исследо-

Когда в "Азиатской драме" заходит речь о конкретных особенностях экономики стран Востока, то появляются и сюжеты, связанные с теневой хозяйственной деятельностью. Впрочем, объяснить их при помощи гипотезы культуры бедности оказывается не так просто.

В частности, Мюрдаль отмечает, что под ширмой государственного планирования в азиатских странах развивается система, которая не стимулирует, а тормозит совершенствование производства. Речь идет о так называемом дискреционном планировании, которое "применяется по решению чиновника, наделенного правом действовать по собственному усмотрению" [Мюрдаль, 1972, с. 232]. Естественно, что в этих условиях решающую роль в бизнесе начинают играть неформальные связи, стремление путем коррупции заполучить особые льготы и привилегии. По существу, Мюрдаль описал феномен меркантилистского государства. Как объяснить его причины с точки зрения концепции культуры бедности - стремлением небогатых государственных чиновников любой ценой обеспечить себе благополучие? Это было бы довольно наивным: политическая элита в странах Южной Азии ведет свое происхождение от богатых каст и сословий, которые из поколения в поколение жили отнюдь не в нищете. Следует, видимо, констатировать, что, предложив культурологическую парадигму анализа "азиатской драмы", Мюрдаль не в полной мере развернул ее богатые возможности.

Следующий важный шаг на пути понимания взаимосвязи между культурными традициями и теневой хозяйственной деятельностью сделал английский антрополог, специалист по крестьяноведению Дж. Скотт. В 1976 году он опубликовал книгу "Моральная экономика крестьянства", где попытался последовательно объяснить мнимую иррациональность азиатских крестьян своеобразной "этикой выживания".

Когда крестьянское хозяйство постоянно балансирует на грани голода, то стремление максимизировать доход, как полагает Скотт, вытесняется желанием минимизировать риск. Если для Мюрдаля противозаконная деятельность не стала самостоятельным объектом осмысления, то у Скотта различные ее виды (браконьерство, уклонение от налогов) специально рассматриваются как способы повсеместной борьбы небогатых крестьян за выживание, против чрезмерного давления со стороны государства и богатых частных собственников [Скотт, 1996]. В качестве яркого примера этой "малозаметной борьбы за свои интересы Скотт приводит историю введения в 1960 году в Малайзии исламской десятины. Сопrotивление крестьян централизованному налогообложению проявлялось в повсеместном занижении данных о возделываемых площадях и сборах зерна, а также в сдаче зерна наихудшего качества. В результате государство получило менее 1/5 от предполагавшегося объема налога. Нечто похожее было в нашей стране в годы гражданской войны, когда планы внедрения "военного коммунизма" оказались торпедированы не столько "крестьянской вандеей", сколько тотальным уклонением крестьян от продразверстки.

Повседневные мелкие нарушения предписанных законом норм, это "оружие слабых", позволяют крестьянам обеспечить минимально приемлемый уровень жизни. Поэтому крестьянская экономика всех стран, включая и страны "социалистического лагеря"⁵, оказывается "пестрой", т.е. неразрывно связанной с незаконной хозяйственной деятельностью.

Скотт продемонстрировал в использовании гипотезы культуры бедности гораздо более высокую последовательность, чем Мюрдаль. Однако и в этом варианте данная гипотеза хорошо работает лишь до тех пор, пока мы рассматриваем теневую эконо-

---

ватели считали ее принципиально тождественной бедности маргинальных слоен развитых стран. Лишь постепенно к ним стало прикипать понимание того, что, например, бедный (и даже не очень, бедный) индиец или малаец мыслит совсем иначе, чем разорившийся до цента американский бизнесмен или даже чем живущий на вилфердовское пособие обитатель американского гетто.

⁵ В связи с этим Скотт удачно ссылается на книгу Л. Тимофеева "Крестьянское искусство голодать", которая появилась еще в "самиздате" и стала первым опытом осмысления теневой экономики как повседневной практики советской хозяйственной системы [Скотт, 1996, с. 58].

мику на "нижних этажах" общественной пирамиды. Между тем в странах "третьего мира" (как и в современной России) теневые отношения тотальны, опутывают все общество. Поэтому гипотеза культуры бедности в исследованиях теневой экономики постепенно уступает другой - гипотезе национальной культуры.

Теневая экономика - национальная культура? В 1980-е годы в понимании институциональной специфики неевропейских обществ, в том числе и широкого развития в них теневой экономики, начался важный сдвиг, связанный с повышением внимания к этнологическим факторам жизни общества - тем ценностям, которые разделяются всеми членами этнического сообщества - и бедными, и богатыми. Результаты данного сдвига наиболее заметны, если обратиться к эволюции теорий коррупции - одной из наиболее развитых областей анализа теневых экономических отношений.

Ранее коррупция трактовалась либо как некая маргинальная субкультура внутри нормальной деловой культуры, либо как аномия, дисфункция в культуре, понимаемой как система ценностей, норм и установок, разделяемых членами сообщества. Такие подходы относительно хорошо истолковывали коррупцию в развитых странах Запада, однако плохо объясняли ситуацию в неевропейских странах (не только в "третьем мире", но даже в Японии), где нормой было то, что европейцы считали отклонением от нормы. В 1990-е годы коррупция в странах периферийного капитализма начинает все более рассматриваться не как временное, болезненное состояние, а как явление, постоянно воспроизводимое культурной традицией, опирающееся на устойчивые черты национальной культуры.

В своих попытках выявить влияние национальной культуры на уровень коррупции исследователи стали прибегать к тем характеристикам культуры, которые были разработаны в рамках кросс-культурной психологии такими учеными, как Г. Хофстед, Г. Триандис, Э. Холл, С. Шварц и др. Например, согласно Холлу, который ввел в научный оборот понятие "контекстности", в высококонтекстных культурах значительная часть коммуникации протекает на невербальном уровне, а успех в переговорах зависит в большей степени от дружеских отношений и доверия сторон друг к другу, чем от положений, явно сформулированных в контракте. Наоборот, в низкоконтекстных культурах люди, занимаясь бизнесом, склонны опираться на формальные отношения, законы и четко сформулированные положения контракта, отдавая предпочтение краткосрочным сделкам (культуры США, Германии и Швейцарии) [Hall, Hall, 1987]. Высококонтекстными являются культуры японцев, арабов и средиземноморцев (итальянская, испанская, турецкая), с точки зрения которых, дарение подарков - необходимое условие надежных деловых отношений. Соответственно, представители низкоконтекстных культур интерпретируют такие традиции как тотальную коррумпированность.

Среди современных специалистов по кросс-культурным исследованиям наиболее известны параметры измерения культуры, предложенные Хофстедом: коллективизм-индивидуализм, дистанция власти, маскулинность, избегание неопределенности, конфуцианский динамизм. Соответственно, лучше всего изучена взаимосвязь между коррупцией и именно этими хофстедовскими показателями.

В некоторых случаях гипотезы о корреляции между коррупцией и какими-либо культурологическими параметрами проверялись этнометрическими методами, что делает выводы о таких взаимосвязях высокодостоверными. В частности, многие (вспомним самого Мюрдаля) полагают, что важным культурным фактором, влияющим на развитие коррупции в том или ином регионе, является религия. При помощи статистических методов ряду исследователей удалось измерить взаимосвязь между иерархичностью преобладающей в какой-либо стране религии и уровнем коррупции. Анализ 33 стран, проведенный группой исследователей из Всемирного банка во главе с Р. Ла Портой, показал, что страны с высокоиерархическими религиозными системами (католичество, православие, ислам) гораздо сильнее подвержены коррупции, чем страны с менее иерархическими религиями (протестантизм) [La Porta... 1997, p. 333-

338]. В дальнейшем эти результаты Пыли подтверждены на выборке из 114 государств [La Portd 1999, p 251-252] Аналогичные исследования проводились и другими учеными Так, Д. Трейсман сравнил уровень коррупции с долей протестантов в населении каждой из 64 стран и выявил устойчивую отрицательную корреляцию между этими двумя показателями [Treisman, 1999] В работе М. Палдама установлено, что в странах с такими религиями и конфессиями, как католицизм, православие, ислам, буддизм и индуизм, уровень коррупции выше, чем в странах с племенными религиями и реформированным христианством (протестантизм и англиканство) [Paldam, 1999]

Наиболее последовательно и глубоко проблема культурной обусловленности коррупции рассмотрена в работе Б. Хастиды. Используя статистический анализ корреляций между индексом коррупции и культурными измерениями 50 стран, он убедительно доказал, что следует ожидать высокого уровня коррупции в странах с такими культурными характеристиками, как большая дистанция власти, высокий уровень коллективизма и маскулинности [Hasted, 1999]

Поскольку главным фактором "теневиализации" экономики начинают считать национальную культуру, то и главным направлением ее сдерживания становятся мероприятия на "культурном фронте", причем специфичные для различных культур Так, Хастид предлагает, например, в борьбе с коррупцией учитывать культурную специфику каждой страны следующим образом: в культурах с высокой маскулинностью предоставление информации о фактах коррупции должно изображаться как личные достижения, увеличивающие материальный статус; а в культурах с высоким избеганием неопределенности институциональные реформы должны проводиться так, чтобы неопределенность ассоциировалась с теневой практикой, а снижение тревоги и риска - с чистыми, законными транзакциями [Husted, 1999, p. 355]

"Мюрдализм" и Россия. Изучение взаимосвязи между теневыми отношениями и культурными параметрами в транзитивных странах в целом и в постсоветской России в частности делает лишь первые шаги Если рассматривать подходы к этой проблеме зарубежных исследователей, то для них характерны пока наиболее элементарные наблюдения Например, И. Андвиг высказывал предположение, что на уровень коррупции в республиках бывшего СССР существенно влияли присущие им культурные различия - например, поведение, связанное с риском, - у грузин, традиция делать подарки - в среднеазиатских республиках [Andvig, 1991] Связь между подношением подарков как нормой деловых отношений и высокой контекстностью российской культуры отмечают и другие исследователи (см., например [Arunlhanes, Tansuhaj, Lemak, 1994]). Можно вспомнить, наконец, компаративистский подход С. Фиша к "экономике коррупции" [Fish, 1998], согласно которому среди факторов, способствующих ее развитию, особо выделены "моральный вакуум" и "слабость общественных организаций"

В самой России изучение проблемы взаимосвязи между теневой экономикой и культурными институтами также делает лишь первые шаги Одной из первых разработок такого рода можно считать "Теневую Россию" И. Клямкина и Л. Тимофеева Результаты проведенного ими широкомасштабного экономико-социологического исследования показывают, что в современной России предубежденно-подозрительное отношение к теневому экономическому поведению сменяется чувством понимания и солидарности Подавляющее большинство россиян (86%) считает проблему борьбы с теневой экономикой и коррупцией самой важной или одной из важнейших, однако при этом почти у 40% сохраняется положительное или нейтральное отношение к прямому или косвенному участию в теневой практике [Клямкин, Тимофеев, 2000, с. 217, 225]

Самое основательное исследование по проблеме культурных корней отечественной теневой экономики было произведено А. Олейником Предложенный им подход во многом схож с гипотезой культуры бедности Мюрдаля - Скотта. В обоих случаях усиление теневых отношений трактуется как результат доминирования некоей "андеграундной" (по западным меркам) субкультуры [Олейник, 2001^а; 2001^б]. Однако

если экономисты-востоковеды считают таковой культуру бедных крестьян, то Олейник - культуру лишенных всякой собственности заключенных. В остальном же ценностные нормы, способствующие "теневилизации", оказываются весьма схожими - доминирование персонифицированных отношений, поддержка выживания "своих" при игнорировании законных требований "чужих". Когда лишь треть россиян считает, что людям можно доверять, то общество рассыпается на мозаику малых групп, члены которых доверяют только близким, хорошо знакомым людям и не доверяют всем остальным. Поскольку эти мафиозные нормы пронизывают деятельность буквально всех организационных структур - государственных, коммерческих и криминальных, - то их преодоление в ближайшей перспективе представляется Олейнику маловероятным.

Теневая экономика и Path Dependence

Подведем некоторые итоги сравнению "десотианской" и "мюрдалистской" парадигм анализа теневых экономических отношений (см. табл. 2), "Десотианство" и "мюрдализм" можно рассматривать, соответственно, как оптимистический и пессимистический подходы к перспективам преодоления "девятого вала" теневой экономики.

Если мы убеждены, что теневая экономика порождена "плохими" законами, то борьба с ней будет представляться задачей преимущественно инструментальной: надо заменить "плохие" законы "хорошими" - и все пойдет на лад. Именно эта мысль сквозит, явно или неявно, в работах сторонников де Сото⁶. Конечно, они понимают, что конструирование "хороших" законов - довольно трудный процесс, связанный с отказом от многих стереотипов. И все же преодоление "теневилизации" представляется при таком подходе одномоментным (или, по крайней мере, кратковременным) актом.

Видимо, сторонниками "десотианства" за желаемый образец принимается знаменитая денежная реформа Л. Эрхарда июня 1948 года, когда едва ли не за одну ночь Германия из сплошного "черного рынка" превратилась в динамично развивающееся законопослушное общество. Совершенствование общества при этом уподобляется социальному конструированию, пусть даже умный "архитектор" старается максимально идти навстречу пожеланиям "заказчика", а не навязывать ему свою волю.

Сторонникам культурологического подхода к объяснению теневой экономики позиция "десотианцев" кажется чрезмерно оптимистичной. Если основная причина теневых отношений - не законы, явно записанные в кодексах и инструкциях, а заповеди, "записанные" в головах, то на быструю победу в борьбе с теневой экономикой рассчитывать не приходится. Можно принять сколь угодно замечательные законы, но если люди привыкли решать свои проблемы не по закону, а "по справедливости", то эти законы все равно окажутся мертворожденными⁷. Вводимые в ходе

---

⁶ Сам де Сото формулирует идею примата правовых институтов над культурными ясно и недвусмысленно: "На протяжении истории люди *ошибочно* (курсив наш. - Ю.Л., Т.Н.) отождествляли продуктивность и эффективность принятых систем символических обозначений с наследственными ценностями своей культуры. Прежде чем согласиться с аргументами любого брахмана, ...доказывающего, что успех при капитализме достается представителям определенной культурной традиции, я смиренно предлагаю попытаться представить, что случится в развивающихся и бывших социалистических странах, когда они заведут адекватную систему прав собственности, дающую каждому возможность создавать капитал" [де Сото, 2001.С. 227].

⁷ Интересно в связи с этим отметить, что хотя "Загадка капитала" написана более чем 10 лет спустя после "Иного нуги", но и в своей новой книге де Сото по-прежнему клеймит бюрократические препоны и призывает к их ликвидации, однако не приводит ни единого примера успешных практических опытов реализации своей концепции. Между тем перуанский экономист - отнюдь не кабинетный мыслитель. Он был главным советником президента Перу А. Фухимори, того самого, который прославился сначала успехами в борьбе с наркопартизанами, а затем - "успехами" в коррупции и позорным бегством из страны. Видимо, собирать "гектары алмазов" оказалось не так просто, как хотелось бы.

"Десотианская" и "мюрдал истская" парадигмы анализа теневой экономики

Основные проблемы	"Десотианство" (правовой детерминизм)	"Мюрдализм" (культурологический детерминизм)
"Кто виноват?" (точнее, "Что виновато?")	Главная причина развития теневой экономики - несовершенство законов и правоохранительной деятельности, которые создают большие издержки для легальной защиты прав собственности	Главная причина развития теневой экономики - культурные нормы, которые рассматривают конкурентную частнопредпринимательскую деятельность как маргинальную, морально осуждаемую
"Что делать?"	Для сдерживания теневой экономики необходимы деbüroкратизация и широкая либерализация хозяйственной жизни в сочетании с укреплением легальной системы защиты прав собственности	Для сдерживания теневой экономики необходимо развивать те формы предпринимательства, которые одобряются традиционной хозяйственной культурой, и пропагандировать те ценности, которые стимулируют предпринимательство
"Когда придет желанный день"	При проведении радикальных реформ можно добиться быстрого и крупного позитивного эффекта	Быстрое получение заметных позитивных результатов маловероятно; необходимы длительные программы, эффект которых будет проявляться лишь постепенно

правовой реформы формальные институты будут вступать в противоречие с неформальными, культурными, что и происходит, согласно ряду исследователей, в России [Rosenbaum, 2001, p. 892] Поэтому совершенствование общества, с точки зрения "мюрдалистов", сродни работе садовника, который выращивает настоящий английский газон в течение жизни нескольких поколений.

Какой же подход - "десотианский" или "мюрдалистский" - лучше подходит для объяснения специфики отечественной теневой экономики? Нам представляется, что "десотианство" указывает на непосредственные причины, в то время как "мюрдализм" - на глубокие корни данного явления. Ведь "плохие" законы возникают и устойчиво сохраняются там и тогда, где и когда никто не собирается их буквально выполнять⁸.

Сравнение двух парадигм анализа теневых экономических отношений позволяет понять, почему "десотианство" заметно популярнее "мюрдализма"⁹. Главная причина этого - вполне понятные особенности психологии человека, гораздо более склонного к оптимизму, чем к пессимизму. Действительно, концепция правового детерминизма сулит, образно выражаясь, "десять лет упорного труда и десять тысяч лет счастья".

⁸ Следует, конечно, оговориться, что между этими подходами нет "китайской стены". Сторонники правового детерминизма, как правило, придают нежность и культурных факторов, а приверженцы культурного детерминизма не отрицают необходимости прагматичных реформ. Позиция многих исследователей (например, Ла Порты), которые, заняты измерением коррекций, вообще с трудом подпадают четкому определению, поскольку они объективистски фиксируют количественную зависимость от многих факторов, избегая их качественной оценки. И все же определенная поляризация вполне заметна.

⁹ В России сторонниками десотианских идей, помимо В. Радаева, являются такие выдающиеся экономисты, как В. Найшуль (речь идет о его трудах начала 1990-х годов), Р. Капелюшников. Сам курс В. Пугина отчетливо проникнут духом "десотианства" - надо принять "хорошие" законы и заставить граждан их выполнять.

Напротив, если мы становимся на позицию культурного детерминизма, нам надо быть готовыми к долгой и кропотливой работе с достаточно туманными перспективами. Надо ли удивляться, что первый подход кажется более привлекательным, чем второй? Проблема причин теневой экономики и стратегии ее сдерживания в конечном счете оказывается частным случаем более общей проблемы Path Dependence - зависимости от предшествующего развития.

И правовые нормы, и культурные ценности - как раз те механизмы, которые не позволяют обществу, сделав судьбоносный институциональный выбор, "взять ход назад". Так, современные исследователи признают, что система общего права (common law) лучше стимулирует экономическое развитие, чем система гражданского права (civil law) [La Porta, Lopez-de-Silanes]. Однако страны континентальной Европы отнюдь не собираются отказываться от своих правовых устоев и внедрять нормы англосаксонского права. Аналогично, признание того, что протестантская этика гораздо лучше стимулирует "дух капитализма", чем ислам или католицизм, вызывает, скорее, завистливое презрение к "слишком меркантильным" англоамериканцам, чем желание проводить религиозную реформу.

Зависимость от предшествующего развития не дает возможности отказываться от традиций, но позволяет производить некоторые постепенные изменения в рамках существующих реалий. При этом следует учитывать, что разные институты обладают различной степенью эластичности - культурные традиции, в частности, заметно менее эластичны, более инерционны, чем правовые. Правильное понимание основных факторов теневой хозяйственной деятельности позволит нам, как гласит народная мудрость, не только понять, как нужно менять то, что можно изменить, но и как смириться с тем, что изменить нельзя. И, самое главное, научит нас отличать одно от другого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

de Soto Э. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. М., 2001.

de Soto Э. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. М., 1995-

Клямкин И., Тимофеев Л. Теневая Россия. Экономико-социологическое исследование. М., 2000.

Мюрдаль Г. Современные проблемы "третьего мира". М., 1972.

Олейник А.Н. "Жизнь по понятиям": институциональный анализ повседневной жизни "российского простого человека" // Полис. 2001^а. № 2.

Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М., 2001^б.

Радаев В.В. Формирование новых российских рынков: транзакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М., 1998.

Скотт Дж. Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1996. М., 1996.

Фрай Т. Коррупция в Польше и России // Электронный журнал ЮСИА. Том 3. 1998, ноябрь (<http://usinfo.state.gov/journals/ites/1198/ijer/fray.htm>).

Фрай Т., Журавская Е. Рэкет и общественные блага: роль регулирования // Научные труды РЕЦЭП. Вып. 4. 1998, август (<http://www.recep.ru/pdfs/rl1998w04.pdf>).

Andvig J. The Economics of Corruption: A survey // Studi Economici. 1991. Vol. 46. № 43.

Arunthanes W., Tansuhaj P., Lemak DJ. Cross-cultural Business Gift Giving. A New Conceptualization and Theoretical Framework // International Marketing Review. 1994. Vol. 11. № 4.

Fish M.S. The Roots of and Remedies for Russia's Racket Economy // The Tunnel at the End of the Ligh Privatization, Business Networks and Economic Transformation in Russia. New York, 1998.

Frye T., Shieifer A. The Invisible Hand and the Grabbing Hand // American Economic Review. 1997, may.

Hall E.T., Hall K.M. Hidden Differences Doing Business with the Japanese. New York, 1987.

Husted B. Wealth, Culture and Corruption // Journal of International Business Studies. 1999. № 2.

Johnson S., Kaufmann D., McMillan J., Woodruff C. Why Do Firms Hide? Bribes and Unofficial Activity After Communism // Journal of Public Economics. 2000, June.

Johnson S., McMillan J., Woodruff C. Entrepreneurs and the Ordering of Institutional Reform. Poland, Slovakia, Romania, Russia and Ukraine compared // Economics of Transition. 2000. № 1.

La Porta R., Lopez-de-Silanes F. Law and Finance // <http://post.economics.harvard.edu/faculty/laporta/papers/law-finance.pdf>.

La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny K.W. The Quality of Government // The Journal of Law, Economics and Organization. 1999, № 1.

La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny R.W. Trust in Large Organizations // The American Economic Review. 1997. № 2.

Paldam M. Corruption and Religion. Adding to the Economic Model. Unpublished manuscript, Aarhus University. Denmark, 1999, September.

Rosenbaum E.F. Culture, Cognitive Models, and the Performance of Institutions in Transformation Countries II Journal of Economic Issues. 2001. № 4, december.

Treisman D. The Causes of Corruption: A Cross-National Study. Unpublished Manuscript, University of California. Los Angeles, 1999, June.

© Ю.Лавров, Т. Нестик, 2002